

7 сентября, в День города, на площади Революции, где проходил праздник "Вечернего клуба", побывали без преувеличения сотни тысяч людей.

Весь день в эпицентре событий и общественного внимания находился молодой человек с внешностью идадьго — режиссер и ведущий действия — Виктор Верхотурцев.

**Виктор
ВЕРХОТУРЦЕВ:**

Если артист просто носит пиджак на фоне декораций — это манекен

— Ты вкалывал десять часов подряд, а впечатление, что чем дольше, тем свежее становился. Уже темнело, а ты все как огурчик!

— Ну я же профессионал! Опыт и физическая закалка. С детства занимался спортом — бег, лыжи, дзюдо, футбол...

— Футболом ты и сейчас не пренебрегаешь.

— Играю в команде артистов эстрады "Фортуна". Вместе с Боярским, Лозой, Малечиком, Зинчуком, Салтыковым под руководством известного Жени Ловчева, экс-лучшего футболиста Советского Союза.

— Играете для поддержания формы?

— Не только. Команда для нас — это клуб общения. У всех же гастроли, творческий процесс. Вот и сходимся по четвергам, общаемся. Иногда выезжаем, играем со сборной города или, скажем, мэрии. После матча, естественно, большой концерт.

— А после большого концерта, естественно...

— Ребята не прочь познакомиться с местными красавицами. Как и те, впрочем. Но вот съездили недавно в Новый Уренгой. А там... одни мужики. Пришлось расслабляться исключительно в мужской компании. Был момент некоторого разочарования.

— Сам ты, разумеется, сторонник традиционного семейного уклада.

— Я семьянин. Хотя нельзя сказать, что категорически не замечаю женщин. Мужчина должен периодически подзаряжаться. Все же регулирует подкорка. Чем больше эмоциональных всплесков, тем гармоничнее функционирует организм.

— Жена разделяет эту теорию?

— Так ведь я же не о себе — в принципе. А с женой мне повезло. Она у меня все-таки женщина, а не баба. Это удел баб — закатывать разборки и истерики, тупая ревность. Что до гастролей, то она понимает, что это моя работа, я должен обеспечивать семью. Нагрузки ведь жуткие. Сейчас стало полегче, а были времена, когда я делал по сто концертов в месяц, чтобы заработать тысячу рублей. Когда нам платили по девять — одиннадцать рублей с выступления. Времена были... филармонические.

— Заповедные были времена.

— Я начинал на эстраде десять лет назад в коллективе у Винокура. С нами работал, например, дуэт Козаков — Алейников. Тот Алейников, что сейчас в телевизионном "Городке". А Рома Козаков... это его — "вопрос, конечно, интел-е-ресный!" — умер в восемьдесят шестом году. Так вот,

приехали мы в Карачаево-Черкесск, какой-то местный райцентр праздновал День города. И вот мы смотрим афишу на Дворце культуры, там такой калейдоскоп: начало концертов — 9, 11, 13, 15... до ночи, словом. А когда отработали, нас попросили: может, задержитесь еще на денек? Оказывается, не все желающие попали в ДК, остались неудовлетворенные. Люди жаловались: к нам во все времена, кроме цыган и лилипутов, никто не приезжал. А тут!

— Время отсеивает минорные ноты?

— Тогда как раз затонул "Адмирал Нахимов". А коллектив Винокура в эти же дни должен был плыть из Новороссийска в Сочи. Но что-то там не договорились и... поехали на поезде. В Москве не знали — "в Сочи они не прибыли" — родственники и знакомые — в шоке...

— Раньше артисты были непременно где-то прописаны — "Москонцерт", филармония... А сегодня ты получаешь зарплату?

— Ложит трудовая книжка — и все. А времена были эпические, да! Живя в Москве, ты мог числиться в какой-нибудь камчатской или магаданской филармонии.

— Почему так?

— С одной стороны, на периферии чиновный народ был ортодоксальнее, с другой — проще. Скажем, осетинская филармония собирала на стадионе пару команд, а с ними... Высоцкий. Которому в столице кислород перекрыт.

— То есть большая провинциальная простота нравов порождала и большие возможности?

— Конечно. Не было оголтелого контроля худсоветов, управлений, лига, Минкульта. Если вспомнить, с чего начинались знаменитые рок-группы? С периферийной "прописки". Ну и систему расчетов с актерами старались не усложнять. Администраторы былых времен умели думать об артистах. Что до зарплаты, то и тогда ее получали не все. Были концертные ставки, установленные Минкультом. Звезда, скажем, собирала зал на две тысячи рублей. При этом она, звезда, будучи даже "высшей категории", могла заработать не больше чем восемнадцать — двадцать один рубль.

— А как сейчас живут не самые знаменитые артисты?

— Процветают единицы — на фоне легиона тружеников рампы. О театре я уже и не говорю. Там — катастрофа, особенно в провинции. Вся гастрольная жизнь замешивается в Москве. Почему многие известные артисты из Питера, бывших "союзных" столи-

все здесь? Купили квартиру или снимают, но — в Москве.

— Тебе случалось работать на днях рождения, свадьбах? За деньги?

— Пару раз на юбилеях у очень крутых. Нет, не бандитов, а очень высокопоставленных людей — Газпром, Нефтехим... что-то вроде. Какой-нибудь шикарный пансионат за городом. Затевались целые концертные программы, которые я вел. И пел, конечно.

— Торжества развивались в рамках приличия?

— Вполне. По крайней мере издержки не афишировались.

— Никто тебя покровительственно по плечу не хлопал?

— Все сейчас знают, что главное в творчестве — материальная поддержка. Мне даже ведь спонсоры не нужны, мне нужны инвесторы. Я способен отработать и принести прибыль. Ну и понятно: "Мы тебе поможем, о чем разговор!" А потом все уходило в песок...

— А с бандитами общался?

— С нормальными. Я работал больше года с Михаилом Звездинским. Надо же как-то связать, скажем, "Очарована, околдована" и тут же "Жулики мы, налетчики". Нужно было состыковать песни, сделать плавный переход. Чем я и занимался в качестве ведущего. Естественно, на концерты приходили разные зрители. Среди тех, кого мы имеем в виду, преобладали добропорядочные граждане.

— В смысле чтившие кодекс?

— Сейчас ведь можно за двести или триста тысяч долларов в двадцать лет стать "авторитетом". Так вот, ходила не шушера. Я, слава Богу, жил на Дальнем Востоке, знаю, что к чему. Еще в шестидесятые годы впервые услышал слово "бамовец". То есть сиделец, ведь БАМ по первоначально начинали строить еще в тридцатые годы.

— Виктор, ты — и швец, и жнец: шоумен, певец, музыкант... Какая ипостась тебе ближе?

— Я рос, что называется, в хорошей семье, где меня научили любить поэзию. Поэтому никогда не пишу песни на "тексты", только на хорошие стихи.

— То есть ты себя считаешь...

— ... Артистом. Певцов много, артистов мало. Залог успеха во внутренней силе, артистизме — не в демонстрации голосовых связок. Здесь я не открываю Америки. Если исполнитель не "в образе", если глаза пустые — он ноль. Даже при наличии луженой глотки.

— А конферанс?

— Мне больше нравится уже упомянутое

Клубные встречи

определение "шоумен". Если артист просто носит пиджак на фоне декорации — это манекен, чурка. Ведь понятие "ходить на артиста" не из пальца высосано!

— Ты сказал, что вырос в хорошей семье. Впрочем, это и так заметно.

— Покойный мой отец в сороковом году закончил авиационное училище, прошел всю войну. А в сорок девятом — Чукотка, Колыма. Десять лет за "измену Родине". Соответственно родился я на Дальнем Востоке (отца реабилитировали без права въезда в Москву), тогда как папа — на Сретенке. Отец его, мой дед Вячеслав Верхотурцев, художник и поэт, репрессирован в двадцать четвертом году — Соловки. Отчим отца, неродной дед, заведовал в Москве кинопрокатом, потом был директором Госцирка, затем — Госфильмофонда. Мама — из переселенцев с Украины, простая женщина. Но одаренная. Возможно, лицедейство и музыкальность у меня от нее. Замечательно могла кого-то скопировать, спародировать. Имела абсолютный слух. От отца и деда у меня способность... или так — желание рисовать. Мечтаю оформить свои концертные площадки. Собственными работами... вернисажами. Чтобы люди начинали знакомство со мной с рисунков.

— Скажи, актерское желание известности способно... доводить до самозабвения?

— У меня это не чистые амбиции. Просто, когда ты известен, и возможностей больше. Можно ведь сниматься в рекламе и стать известным, верно?

— Кстати, после нашего разговора ты едешь на телевидение.

— Несколько лет назад я встретил Эдуарда Николаевича Успенского. Мы общались, я даже несколько песен на его стихи записал. Потом дорожки разошлись. И вдруг мы встречаемся, он говорит: Виктор, ты не хотел бы прийти на Российское радио, там у меня передача "В нашу гавань заходили корабли". Прихожу: Гердт сидит, поет, Меньшов, Наталья Варлей, Ирина Муравьева, Гриша Гладков. Компания интересная. Я вписался, несколько лет был постоянным участником.

— Это там вспоминают дворовые песни, блатные, задушевные?..

— Ну да, городской фольклор, уличные романсы, страдальческо-лирические напевы, криминальные, классика подворотни, подчас не вполне цензурная. Помню, аккомпанировал Гарри Каспарову, который исполнял "Мурку", — Эдуард Николаевич заставлял его вспомнить.

— А сам ты что пел?

— "Вернулся я в Одессу", милая песня, знаешь? Потом есть песня "Страдальная женская": "А ты такой хороший..."

— Как айсберг в океане?

— Нет. "... Жду вторые сутки, когда тебя бросят эти проститутки". Такие строчки там есть: "Хороший, хороший, хороший, на мою любовь немножечко похожий". Или вот: "А поезд мчится, а в поезде кашка, а у Машки в чулке денег пачка".

— Классная передача.

— Набрала настолько высокий рейтинг, что ее решили адаптировать к телевидению. Уже смонтировали четыре "пилота". На последней записи у нас пел Щечкохин с депутатским знаком — городскую балладу, шемаяку такую. Очень душевно, ностальгически. Вот-вот программа должна пойти на Российском канале. Сейчас Сагалаев ее смонтирует.

— Балансный вопрос: если бы начать все сначала, пошел бы в артисты?

— Пожалуй, да. И больше внимания уделял бы музыкальному образованию. Я ведь учился на актера театрального. Но в театре сложнее самореализоваться. Есть люди, которые успешнее утверждаются в коллективном творчестве, а есть — которые стремятся быть солистами. Когда ни за кого не отвечаешь, только за себя.

— По жизни ты индивидуалист?

— Я свободный художник, не люблю начальства. Надо мною нет директора, я сам по себе. При этом обожаю общество, хорошую компанию. Не просто тусовку.

— Если тебе причинят зло, долго помнишь?

— Нет. Бывало, случались какие-то скандалы, даже драки, кому-то разбивал морду. А через пару минут мне его становилось жалко. Я не злопамятный. Но вспыльчивый. Это оттого, что, как говорил, кажется, Мопассан: дорогая, не путай спешку с темпераментом. То есть тут не суета — пылкость.

Беседовал Виктор ГАЛАНТЕР.
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.